

Л. И. Лавров и его «Убыхи»

В архиве каждого ученого остается немало неопубликованных работ. В основном это разрозненные рукописи статей, фрагменты текстов, начатые и незавершенные опусы, наброски запланированных, но неосуществленных начинаний и т.д. Это вполне естественный и, можно сказать, обычный набор научно-архивного наследия активно работающего исследователя. Однако порой единицы хранения архивных фондов скрывают то, что по определению не должно находиться за замком хранилища. В частности, это полностью подготовленные, уже завершённые, но по разным причинам так и не увидевшие свет работы. Авторы создавали и лелеяли их, мечтали увидеть напечатанными, ожидали отклика читателей и профессионального суждения коллег, однако обстоятельства на долгие годы (казалось, что навсегда) замыкали эти рукописи в неизвестности и тиши архивных подземелий.

Такая участь постигла исследование Л.И. Лаврова «Убыхи». Это первая крупная работа, которую автор готовил к печати, но которая так и не была опубликована при жизни Леонида Ивановича. Длительное время рукопись оставалась скрытой в его архивных бумагах, и было время, когда сам автор, вероятно, старался не вспоминать и тщательно обходить все подробности и детали, связанные с замыслом и воплощением этой книги¹. Между тем в ее непростой судьбе отразились не только надежды и разочарования автора, но и черты эпохи, сплетавшей в жестоком и беспощадном вихре и судьбы книг, и судьбы людей. Поэтому история «Убыхов» Л.И. Лаврова позволяет не только полнее осветить биографию известного исследователя-кавказоведа, но и внести еще один штрих в познание истории нашей науки и нашего прошлого.

Обращение Л.И. Лаврова к кавказоведению не случайно. Он сам — «кавказец». Родившийся в 1909 г. на Кубани, он провел свои ранние годы в станице Медведовской, а с 1916 г. жил в станице Пашковской, которая в ту пору была окраиной Екатеринодара. С рождения Л.И. Лавров впитывал в себя атмосферу многоэтничного, поликонфессионального и многоязыкого Кавказа. В те годы в кубанских станицах каждый день можно было наблюдать живописное смешение национальных костю-

¹ Характерно, что в книге «Этнография Кавказа» (Лавров, 1982), носящей во многом автобиографический характер и повествующей о многих исследовательских работах автора, последний ни словом не обмолвился о том, что изучал убыхов и написал о них большую монографию.

мов, обычаев и нравов, а русский, украинский, адыгейский, «татарский» составляли причудливую языковую смесь, в которую с раннего детства был погружен будущий ученый. Как впоследствии писал Л.И. Лавров, «все это располагало к этнографическим сопоставлениям» (Лавров, 1982. С. 5). Поэтому неудивительно, что, поступив в 1928 г. на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета, он стал специализироваться по этнографии народов Кавказа.

На университетской скамье Л.И. Лавров много и упорно работает. Его увлекли блестящие лекции А.Н. Генко, который навсегда остался для него почитаемым учителем, одновременно он слушает лекции на восточном отделении университета, принимает участие в работе Яфетического семинара при Институте им. А.С. Енукидзе. В 1934 г. Лавров поступил в аспирантуру, получив весьма лестную характеристику А.Н. Генко. Рекомендуя своего ученика, А.Н. Генко отмечал, что Лавров «работал интенсивно по этнографии Северо-Западного Кавказа (абхазы, убыхы, черкесы) и по черкесскому языку <...> Знает литературу, имеет хороший опыт полевой работы и, в качестве местного уроженца, учитывает хорошо современные условия и требования, предъявляемые к работе на месте»²

Являясь к тому времени уже достаточно квалифицированным и знающим специалистом по народам Северо-Западного Кавказа, Л.И. Лавров решил свое диссертационное сочинение посвятить более углубленному изучению истории и этнографии одного из этносов региона — убыхов. Можно предположить, что послужило основанием для этого выбора. Убыхи — народ трагической судьбы. После окончания Кавказской войны они практически поголовно покинули родину, выселившись в Турцию, оставив после себя лишь материальные свидетельства своей былой жизни: разбросанные по горным склонам опустевшие аулы, одичавшие сады и виноградники, заросшие тропы и лесные дороги. Реконструировать быт и культуру исчезнувшего народа становилось непростой, но весьма увлекательной исследовательской задачей.

Была и другая причина, по которой, возможно, в первую очередь, убыхы привлекли внимание молодого исследователя. Этот небольшой народ прославился тем, что оказал ожесточенное сопротивление царским войскам на завершающем этапе военного завоевания Кавказа. Последним сражением Кавказской войны в мае 1864 г. был бой, в котором остатки убыхских отрядов потерпели окончательное поражение и были рассеяны превосходившими силами фельдмаршала А.И. Барятинского. В эмоциональном переживании своего поражения убыхы в скором времени навсегда покинули родную землю, но остались в исторической па-

² Все цитируемые специально не оговоренные документы хранятся в архиве МАЭ (фонд Л.И. Лаврова).

мяти окружавших народов в героическом ореоле своей борьбы с нашествием русской армии.

Все это вдохновляло Л.И. Лаврова, который с энтузиазмом взялся за работу. В достаточно короткие сроки удалось обеспечить источниковую базу исследования, по крупицам собрав в дореволюционных изданиях практически все упоминания и описания убыхов. Это позволило представить в очерках-главах исследования объемную дескрипцию их бытовой культуры, реконструировать этапы демографической и этнополитической истории, описать социальное устройство и др., а также подвести некоторый итог историографическим проблемам убыховедения. Значительную часть своего исследования Л.И. Лавров посвятил изучению военной роли убыхов в истории Кавказской войны. В работе скрупулезно воссоздана историческая панорама военных действий в убыхском секторе Причерноморья, даны описания наиболее значительных боевых столкновений, прослежены изменения политической ситуации в регионе в ее сопряженности с победами и поражениями убыхов.

Когда обозначились первоначальные контуры будущей работы, Л.И. Лавров обратился к руководству института с предложением о ее публикации. 3 мая 1937 г. между ИААЭ АН СССР в лице директора И.И. Мещанинова и Л.И. Лавровым был заключен договор, по которому последний брал на себя обязательство по подготовке монографии «Убыхи» к печати. Объем будущего издания был скромно определен в 6 печ. листов. В соответствии с оговоренными сроками, Отделение общественных наук АН СССР анонсировало выход этого издания на 1938 г. (План изданий..., 1937. С. 273). К началу этого года работа в целом была завершена. 20 января 1938 г. подготовленная, но значительно превысившая объем рукопись обсуждалась на ученом совете института. Монографию вполне сочувственно представил Д.К. Зеленин. Полученные отзывы также были положительными. И. Петрушевский отметил, что монография Лаврова — первый исследовательский опыт обращения к историко-этнографическому изучению убыхов. Считая этот опыт удачным, рецензент подчеркнул, что работа, «представляет выдающийся и притом актуальный интерес». В отклике А.Н. Генко также отмечались ее «бесспорный научный интерес и значение».

Эти отзывы открывали рукописи дорогу к публикации. Ученый совет одобрил работу, утвердил редактором монографии А.Н. Генко и постановил представить рукопись в издательство в срок до 15 февраля. Одновременно УС обратился к редакционно-издательскому совету (РИСО) АН СССР с просьбой об увеличении объема будущей книги до 14 печ. листов.

Тем временем Л.И. Лавров, видимо, продолжал интенсивно работать над текстом, в частности по замечаниям рецензентов. Одновременно он апробирует результаты своих исследований среди коллег. Так, 21 мая

1938 г на заседании Кабинета Европы и Кавказа Л.И. Лавров выступил с сообщением «Занятия и социальный строй убыхов в первой половине XIX в.». 15 июня он вновь выносит свои выводы на обсуждение коллег, выступив на заседании Кабинета с докладом «Становление государства у горцев Западного Кавказа». К этому времени произошло событие, укрупнившее положение и карьерные перспективы молодого исследователя. Еще в сентябре 1937 г. ученый совет ИААЭ выдвинул Л.И. Лаврова и его исследование «Убыхи» на всесоюзный конкурс молодых научных работников, проводившийся в ознаменование 20-летия Октябрьской революции. При подведении итогов соревнования в 1938 г. «Убыхи» и их автор были премированы грамотой и денежным содержанием. В этих условиях никаких препятствий для выхода апробированной, запланированной и анонсированной книги в свет как будто не предвиделось.

Однако неожиданно издательство отказалось печатать работу. Ссылаясь прежде всего на дефицит бумаги, оно выдвинуло и дополнительные аргументы. В издательском письме, в частности, было указано, что «убыхов теперь нет в СССР, и поэтому работа не может иметь практического значения». Л.И. Лавров не растерялся. Смолоду отличаясь довольно бойким и задиристым характером, он обратился 3 мая 1939 г. с письмом к А.М. Петрушевскому, в котором вполне резонно набросился на данный аргумент. «Как согласовать отрицание необходимости изучения немаловажных в истории нашей Родины исчезнувших убыхов, — писал Лавров, — с допустимостью работ о хазар, скифах и даже палеолита в СССР?».

Однако в издательском письме содержалось еще одно возражение. Видимо, устами своего тайного рецензента издательство ставило в вину молодому исследователю, что тот назвал борьбу убыхов «освободительным движением». Действительно, военные действия, которые развернулись на Северо-Западном Кавказе в 1840—1860-х гг., Л.И. Лавров трактовал как борьбу убыхов за независимость, которую они отстаивали в борьбе с завоевателями. Вдобавок, симпатии автора были полностью на стороне горцев. Он искренно восхищался ими («храбрецы», «джигиты»), с торжеством описывал подробности «славных дел», «молодецких дел», следствием которых было поражение русских отрядов. В авторских аттестациях, царские солдаты — это «враги» и «неприятели», убыхские перебежчики в русский лагерь — «предатели», «шпионы», «изменники». В то же время лидеры убыхов — «пламенные борцы за независимость». Автор восторженно прославлял героизм, беззаветное упорство, «волю к борьбе», достоинство и благородство убыхских воинов. Передовые силы России и всей Европы находились, естественно, на стороне горцев, которых они всячески поддерживали и прославляли. Таким образом, обвинения, предъявленные издательством автору, были небеспочвенны.

Однако Л.И. Лавров вступил в спор и по этому вопросу. Используя обычную риторику того времени, он вопрошал: «Как согласовать отрицание освободительного характера борьбы горцев XIX в. с неоднократными высказываниями Карла Маркса и Фридриха Энгельса, видевших в ней именно освободительную борьбу. Как согласовать это с известным тезисом т. Ленина и т. Сталина, что царская Россия была тюрьмой народов?». Лаврова также удивило, что РИСО и отделение общественных наук АН «согласились» с мотивировкой издательства.

Действительно, в тот период мотивировка издательства выглядела необъяснимой. Позиция Л.И. Лаврова полностью находилась в рамках преобладавшей концепции Кавказской войны, которая рассматривалась в ранней советской историографии как национально-освободительное движение горцев, имевшее прогрессивный, демократический характер. Эта концепция была освящена лидером советских историков-марксистов М.Н. Покровским (Покровский, 1923), который первым подобным образом стал трактовать специфику шамилевского движения, рассматривая генезис Кавказской войны в контексте «колониально-грабительских» и «империалистических» устремлений правящих кругов царской России.

Концепция М.Н. Покровского нашла отражение в работах всех ранних советских историографов Шамиля и Кавказской войны. С этих позиций написаны работы С.К. Бушуева (Бушуев, 1939), Р.М. Магомедова (Магомедов, 1939), В.А. Фадеева, выступившего предшественником Л.И. Лаврова по изучению участия убыхов в Кавказской войне (Фадеев, 1936), Н. Кровякова (Кровяков, 1941). Некоторые частности, содержащиеся в исследовательских подходах ряда авторов (А.А. Тахо-Годи, А.Е. Скачко), в целом не меняли основного посыла советской историографии 1920–1930-х гг., рассматривавшей Кавказскую войну и движение горцев как яркий пример массового демократического, антиколониального движения во главе с признанным вождем народных масс Шамилем (Гаджиев, 1965. С. 32)

Эта концепция носила «официальный» характер и казалась столь незыблемой, что иные точки зрения не имели шансов быть озвученными. Характерный случай имел место с известным ростовским историком Н.И. Покровским. Также работая над проблематикой Кавказской войны, он подготовил обширное исследование, рукопись которого представил в московское издательство «Соцэгиз». Однако в полученном им письме от 28 февраля 1937 г. издательство потребовало «идеологической» переработки рукописи. Автор, по мнению «Соцэгиза», должен был «острее подчеркнуть», что движение народов Северо-Восточного Кавказа в XIX в. «имело народно-освободительный характер и было направлено против колониальной политики царизма» (Покровский, 2000. С. 4). Этот ответ

полностью укладывался в рамки официальной концепции. Между тем случай с Лавровым показал, что уже в те годы вызревало и другое мнение. Оно не было полностью артикулировано, не было поддержано официально, тем не менее уже бытовало, предвосхитив и, возможно, косвенно подготовив те идеологические изменения, которые произошли в трактовке Кавказской войны в послевоенное время.

Отечественная война 1941–1945 гг. отодвинула многие исследовательские и издательские начинания, в том числе, естественно, и «Убыхов», выход в свет которых теперь откладывался на неопределенное время. Л.И. Лавров добровольцем уходит на фронт, участвуя в боях за Ленинград. Тяжелое ранение в 1942 г. лишило его возможности дальнейшего нахождения в действующей армии, но он продолжает службу, будучи командированным на преподавательскую работу. Уволившись в запас, Л.И. Лавров в середине 1946 г. вновь становится сотрудником ИЭ, и уже 13 декабря защищает кандидатскую диссертацию «История абазинского народа». Можно предположить, что вернувшегося к активной научной работе исследователя не покидало стремление реализовать прерванные из-за войны начинания, в частности наконец-то опубликовать «Убыхов» — свой уже давно заверченный, но пока остававшийся втуне труд.

Между тем в идеологии послевоенного официоза начали формироваться новые тренды, в рамках которых появление книги об убыхах и их сопротивлении российскому завоеванию становилось совершенно невозможным. Л.И. Лавров, как, впрочем, и многие другие представители научного сообщества того времени, не смог распознать эти новые тенденции и, соответственно, предугадать их близкое непререкаемое торжество. Однако нашлись более «чуткие» индивиды. К таковым принадлежал, в частности, Х. Г. Аджемян, который попытался обосновать новый взгляд на сущность и природу движения горцев под руководством Шамиля.

Публичное обсуждение позиции Х.Г. Аджемяна состоялось в 1947 г. на расширенном заседании сектора истории народов СССР XIX — начала XX в. Института истории АН СССР. Аджемян, выступивший с докладом «Об исторической сущности кавказского мюридизма», говорил о господствовавшей концепции восстания горцев как наивной, односторонней и ошибочной, идеализирующей как личность, так и движение Шамиля. Социально-экономический строй горцев Дагестана и Чечни в первой половине XIX в. докладчик охарактеризовал как патриархально-родовой. Одной из характерных черт этого строя докладчик считал разбойничьи набеги на соседние цветущие долины. Эти набеги впоследствии были узаконены Шамилем, тем более что пристрастие к разбоям и грабежам было основной чертой нравственного облика и жизни гор-

цев, у которых отсутствовали какие бы то ни было культурные навыки. На путь «священной войны» с Россией горцев толкнул ислам, при этом отсталые и дикие горцы были упорны в своей борьбе. Они предпочитали быть подвластными более отсталой и подкупленной Англией Персии, а позднее — отсталой Турции, с которой поддерживали связь все имамы, в особенности Шамиль, добивавшийся протектората с ее стороны. По мнению Аджемяна, именно Турция, инспирируемая Англией, подготовила горцев к борьбе с «гяурами» и направила в Дагестан проповедников мюридизма и газавата. Мюридизм, в оболочке которого выступало движение горцев, Аджемян определял как «махрово-реакционное течение воинствующего ислама». Мюридизм навязал горцам тридцатилетнюю войну и консервировал их отсталость, он «усилил позиции антирусской коалиции, чем облегчил падение героического Севастополя».

Аджемян подверг критике взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на Кавказскую войну и ее вождя Шамиля, считая, что в их работах 1850–1860-х гг. была преувеличена реакционная роль царской России, а под влиянием современной английской прессы они идеализировали Шамиля. Докладчик утверждал, что Шамиль воплотил в себе все реакционные черты мюридизма и только после сдачи в Гунибе, находясь в плену, он совершил единственный правильный поступок, обратившись к своему народу с призывом прекратить борьбу. Между тем относительное благополучие горцы могли получить только с Россией, которая внесла в Дагестан первые проблески цивилизации, подняла его благосостояние, открыла перед Дагестаном пути широкого европейского развития.

По докладу развернулись прения. Б.Н. Заходер категорически отверг тезис о хозяйственной, культурной и социальной отсталости народов Северо-Восточного Кавказа, приведя исторические свидетельства о давних традициях культуры и образованности в регионе. Полемизируя с Аджемяном, К.В. Сивков настаивал на том, что политическая организация, созданная Шамилем, носила государственный характер: в имамате существовала своеобразная правовая система, система судопроизводства, налогов, административного устройства. А.Б. Закс отметив, что движение горцев не было однородным, и что в политике Шамиля было немало противоречий, тем не менее, отметила, что характеризовать движение как «реакционное» нельзя, так как в основном оно носило антифеодальный характер. М.В. Нечкина протестовала против уничижительных характеристик Шамиля, отметив, что многолетнее организационное и идейное руководство движением рисует его как подлинного вождя масс. Ш.И. Типеев обвинил Аджемяна в стремлении сочетать марксистские взгляды с буржуазными, марксистское понимание национально-освободительного движения — с шовинистическими оценками. Е.И. Чистякова нашла, что Аджемян возрождает старые, колонизаторские точки зрения на дви-

жение горцев, а Л.М. Иванов — что Аджемян оправдывает колониальную политику царского правительства. Диспутанты не согласились с тем, что движение горцев было инспирировано Турцией; это движение выросло органически на почве самой страны.

Подводя итоги дискуссии, Н.М. Дружинин имел полное основание констатировать, что точка зрения Аджемяна не нашла поддержки в среде участников прений. Соответственно, прежняя точка зрения советских историков оставалась в силе: движение горцев Северо-Восточного Кавказа под руководством Шамиля являлось освободительным и прогрессивным. Н.М. Дружинин критиковал мировоззренческо-методологические подходы Аджемяна, так как с его точки зрения всякое национально-освободительное движение в пределах царской России следует признать реакционным, что совершенно недопустимо. Однако возможна и другая — буржуазно-националистическая — точка зрения: признание всякого выступления против царской России под национальными лозунгами положительным, прогрессивным явлением. Впрочем, Н.М. Дружинин закончил призывом к дальнейшей научно-исследовательской разработке обсуждавшейся темы (Закс, 1947).

Окрыленный результатами обсуждения, Л.И. Лавров вновь предпринял попытку издать «Убыхов». 21 ноября 1947 г. он подал заявление в дирекцию ИЭ. Рассказав о злключениях рукописи и отметив, что с тех пор она «лежит без движения», он предлагал включить ее в издательский план. Однако и на этот раз издание монографии не состоялось. Трудно сказать, что помешало включить ее в издательский план того времени, но уже три года спустя об этом не могло быть и речи, равно как и о призыве Н.М. Дружинина изучать тему. Изучать и спорить стало не о чем, так как историкам были указаны единственно верные трактовки Кавказской войны и характеристики ее участников.

В.В. Дегоев обстоятельно осветил и проанализировал причины, обусловившие новые партийно-идеологические подходы к Кавказской войне, главным из которых стала проводившаяся в стране политически заостренная борьба с «буржуазным национализмом» (Дегоев, 2000). Поначалу она обходила стороной исторические проблемы Кавказской войны, которые по инерции трактовались советскими историками (в статьях, монографиях, учебниках, музейных экспозициях и т.д.) в традиционном ключе. Однако настал черед, когда верховные идеологи сочли своевременным начать решительную атаку на «порочные» взгляды и оценки роли и значения движения горцев под руководством Шамиля.

Окончательное решение об этом идеологическом повороте состоялось в достаточно короткий временной отрезок середины марта — начала мая 1950 г. Конкретные пути этого еще предстоит изучить, но внешняя канва выглядела следующим образом. 8 марта 1950 г. газета «Правда» опубликовала список лауреатов Сталинских премий за 1949 г. Премия

3 степени была присуждена Г.Н. Гусейнову за книгу «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане в XIX веке», в которой вопросы Кавказской войны рассматривались по апробированной схеме. Однако спустя считанные недели Комитет по Сталинским премиям признал присуждение премии Г.Н. Гусейнову ошибочным и вошел с ходатайством в Совет Министров СССР об отмене этого своего решения.

Комитет мотивировал тем, что «книга написана с неправильных политических и теоретических позиций и в особенности извращает характер движения мюридизма и Шамиля, представляя их как якобы прогрессивные национально-освободительные и демократические явления». Действительный же смысл этого движения в том, что оно «являлось реакционным, националистическим и находилось на службе у английского капитализма и турецкого султана». Комитет считал, что «идеализация мюридизма <...> по существу является отражением буржуазно-националистических колебаний и должна быть решительно осуждена» (В комитете..., 1950).

Советским историкам предстояло немедленно отреагировать на новую политико-идеологическую установку. 9 июня 1950 г. состоялось совещание, в котором приняли участие сотрудники сектора истории СССР XIX–XX вв. Института истории АН СССР и группа историков МГУ. На совещании обсуждалась программа действий, в частности, было решено провести специальную научную сессию, призванную подтвердить новую концепцию в освещении Кавказской войны и движения горцев. На совещании 9 июня были подготовлены тезисы, намечены основные докладчики. Задача облегчалась тем, что в скором времени появились более пространные партийные указания по неожиданно актуализировавшейся исторической проблеме.

Указания последовали из уст видного партийного сановника, первого секретаря ЦК КП Азербайджана М.Д. Багирова (Г.Н. Гусейнов был азербайджанским философом, поэтому задачу «решительного осуждения», видимо, было решено поручить азербайджанским же товарищам)³. 14 июля 1950 г. М.Д. Багиров выступил на публичном собрании в Баку с докладом, основные положения которого вскоре нашли отражение в статье, появившейся за подписью руководителя республиканских коммунистов в центральном теоретическом журнале ЦК КПСС «Большевик». В этой работе окончательно были даны новые идеологические и научные установки, которым отныне необходимо было следовать. Ба-

³ Впрочем, существует другая точка зрения на причины столь активной вовлеченности М.Д. Багирова в кампанию по «разоблачению» Шамиля. Багиров якобы вынашивал идею присоединения Дагестана к Азербайджану, поэтому стремился опорочить национального героя дагестанцев, что косвенно помогло бы в осуществлении лелеяемой им цели (см.: Шамиль и Кавказская война. 1998. С. 39; об этой «идее» Багирова см. авторитетное свидетельство бывшего первого секретаря Дагестанского обкома А. Даниялова: *Даниялов*, с. 251, 252).

гиров потребовал «подвергнуть критике имеющую широкое хождение в нашей советской исторической литературе ошибочную концепцию о якобы прогрессивном, освободительном характере движения мюридизма и Шамиля» (Багиров, 1950. С. 21).

30–31 октября в Институте истории состоялась научная сессия, посвященная проблемам мюридизма. В выступлениях Н.М. Дружинина, Н.А. Смирнова, М.В. Нечкиной, Ш.И. Типеева, К.В. Сивкова, С.К. Бушуева, А.В. Фадеева и других произошла полная переоценка старой концепции, которая была признана ошибочной. Мюридизм, под флагом которого выступали горцы, был признан «идеологией, которая противопоставляла горцев Дагестана не только царизму, не только царскому правительству, но и русскому народу, его культуре и всему тому комплексу социально-политических отношений, которые существовали в то время в России, — более передовых сравнительно с тем социально-политическим уровнем жизни, который был тогда в Дагестане» Отказавшись признать движение Шамиля демократическим, участники сессии охарактеризовали его как реакционное и антинародное, которое было инспирировано Турцией, за спиной которой стояла Англия. Мюридистское движение вело не к свободе и независимости горских племен, а к их порабощению Турцией и Англией. Обращаясь к причинам неверной трактовки Кавказской войны, столь длительное время господствовавшей в советской науке, участники сессии выяснили, что она в «не преодоленной концепции Покровского, который первый в нашей историографии дал это представление о Шамиле», и, с другой стороны, в «националистической традиции, которая жила в работах советских историков, в частности в работах Магомедова, и влияла и на других историков Союза». Первоочередной задачей была признана необходимость «преодолеть эти ошибки, произвести углубленное научное исследование данной проблемы», а также «немедленно приступить к исправлению учебников⁴, которые вышли из недр института истории — для высшей и средней школы» (Архив Российской Академии наук. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 252. Л. 6, 8, 10). Естественно, что в этих условиях монография Л.И. Лаврова не могла быть опубликована.

⁴ В 1949 г., т.е. еще до начала «багировского» погрома, из печати вторым изданием вышел учебник «История СССР. Россия в XIX в.», в котором авторы по традиции весьма благожелательно отзывались о движении кавказских горцев. М.В. Нечкина, являвшаяся редактором тома и автором ряда текстов, посылая экземпляр учебника своей знакомой Н.М. Чернышевской (внучке Николая Гавриловича), делает в сопроводительном письме от 26 августа 1950 г. весьма примечательную приписку: «Хочу предупредить, что весь текст о Шамиле надо считать вычеркнутым, — после статьи тов. Багирова — и № 13 “Большевика”. Этим текстом нельзя пользоваться <...> Остальное как будто правильно и встречено очень положительно. По причине неправильности нашего текста о Шамиле мы готовим сейчас уже третье издание» (цит. по: *Озерянский*, 2000, с. 51, 52).

Вскоре посыпался вал статей и работ, в которых движение горцев под руководством Шамиля трактовалось в нужном властям ключе. В эту компанию были вынуждены включиться многие историки (С.К. Бушуев, А.В. Фадеев), еще недавно занимавшие противоположные позиции. Доказывавшие тогда прогрессивный, демократический и народно-освободительный характер движения кавказских горцев, ныне, дезавуируя свои собственные сочинения, они писали о его реакционности, антинародном характере, инспирированности из-за рубежа, найдя для себя именно такой выход из сложившейся опасной и травмирующей ситуации.

Этот выход был и у Л.И. Лаврова. В отличие от вышеназванных историков, он не успел опубликовать свою работу в «добагировское» время, так что не был «повинен» в публичной идеализации Шамиля. Это давало возможность беспрепятственно выступить с нужных позиций, конечно, при условии соответствующей переработки и редактуры своей рукописи. В этом случае новый, конъюнктурный вариант книги был бы весьма кстати и не встретил бы препятствий для публикации. Однако Л.И. Лавров не стал этого делать. Он предпочел «забыть» о своей первой монографии, надежно спрятав ее в собственном архиве, ни единым словом не упоминая о своих исследованиях на столь рискованную тему.

В середине 1950-х годов наметился новый политико-идеологический поворот в освещении Кавказской войны, который давал относительную свободу для высказывания разных точек зрения (Дегоев, 2000. С. 236). Однако Л.И. Лавров уже не предпринимал попыток издать свой труд. К этому времени его захватили другие творческие планы: с конца 1940-х гг. он принимал участие в масштабной Дагестанской экспедиции Института этнографии, изучавшей современные процессы социокультурного развития народов региона, позднее начал собирать и изучать арабоязычную эпиграфику Северного Кавказа. Последнее на долгие годы предопределило важнейшее направление исследовательской работы Л.И. Лаврова, а вышедший по материалам этих изысканий трехтомник (Лавров, 1966–1980) стал самым значительным достижением творческой жизни ученого.

И все-таки мимолетное обращение Л.И. Лаврова к убыхской теме произошло. В середине 1960-х гг. он опубликовал небольшую статью «Этнографический очерк убыхов» (Лавров, 1968). Вряд ли кто в тот период подозревал, что эта двадцатистраничная статья представляет лишь куцую выжимку из большого «потаенного» сочинения автора. Но сама статья имела важное познавательное и исследовательское значение, так как в тот период история и этнография убыхов представляли сплошное лакунарное «пятно». Да и в последующем убыховедение очень туго прирастало новыми исследованиями (Инал-ипа, 1971), оставаясь в целом малоразработанной отраслью кавказоведческого знания. Лишь пос-

ледние годы ознаменовались оживлением интереса к убыхской тематике (Кишмахов, 2004; см. также обстоятельный очерк: Кумахов, 2006).

В этих условиях выход в свет монографии Л.И. Лаврова имеет важное историографическое и эвристическое значение. Ныне, отмечая 100-летний юбилей выдающегося кавказоведа, мы имеем более полное представление о его творческом облике, круге исследовательских интересов, научном наследии. Одновременно мы можем вписать важные страницы в историю отечественного кавказоведения прошлого столетия, полнее и точнее реконструировать этапы его развития, связанные с последовательным расширением и накоплением историко-этнографических материалов о народах региона. Именно в этом основное значение выхода в свет «Убыхов». Монография Л.И. Лаврова объемно и качественно обогащает наши знания, воссоздав этнокультурный облик одного из самых интересных и загадочных этносов Северо-Западного Кавказа на фоне социокультурных и этнополитических процессов, протекавших в регионе в переломную эпоху его исторического развития.

Литература

Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // *Большевик*, 1950. № 13, июль.

В комитете по Сталинским премиям в области литературы и искусства // *Правда*. 1950. 14 мая.

Гаджиев В.Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1965.

Даниялов А. Дагестан: время судьбы. Воспоминания. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во,

Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // *Сборник Русского исторического общества. Россия и Северный Кавказ. М.: Русская панорама. 2000. № 2.*

Закс А. Дискуссия о движении Шамиля // *Вопросы истории*. 1947. № 11.

Инал-ипа Ш.Д. Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами // *Инал-ипа Ш.Д.* Страницы исторической этнографии абхазов (Материалы и исследования). Сухуми: Алашара, 1971.

Кишмахов М.Х-Б. Убыхский род Берзек и его абхазо-адыгские родословные ветви: Автореф. дисс. ... к.и.н. Нальчик, 2004.

Кровяков Н. Шамиль. Очерк из истории борьбы народов Кавказа за независимость. Грозный, 1941.

Кумахов М.А. Убыхи // *Адыгская (Черкесская) энциклопедия*. М., 2006.

Лавров Л.И. Этнографический очерк убыхов // *Учен. зап. Адигейского НИИ языка, лит-ры и истории*. Майкоп, 1968. Т. 8.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1; М., 1968. Ч. 2; М., 1980. Ч. 3.

Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.). Л.: Наука, Ленинградское отделение. 1982.

Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939.

Озерянский А.С. Из писем М.В. Нечкиной Н.М. Чернышевской // Историко-географический сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 2004. Вып. 21.

План изданий отделения общественных наук АН на 1938 г. // Историк-марксист. 1937. Кн. 5–6.

Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

Покровский Н.И. Вместо предисловия // Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: Росспэн, 2000.

Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Северо-Западном Кавказе // Исторический сборник. М., 1936. Т. IV.

Шамиль и Кавказская война: История и современность. Материалы конференции 20 октября 1997 г. М., 1998.